

OCR Бычков М. Н.

<http://az.lib.ru>

ЛУКРЕЦІЯ

I

Съ "Венерой и Адонисомъ" принято сопоставлять "Лукрецію"; виною этому самъ поэтъ, который посвятилъ эту послѣднюю поэму тому же графу Саутгемпτονу, и притомъ всего годомъ позже, и написалъ ее лирикоэпическими строфами, съ виду очень схожими съ шестистишными строфами той, первой поэмы. Тѣмъ не менѣе это сопоставленіе несправедливо: если внѣшнія примѣты сближаютъ "Лукрецію" съ "Венерой и Адонисомъ", то своему внутреннему достоинству она предваряетъ съ одной стороны "Коріолана" и "Цезаря", съ другой-- "Отелло" и "Цимбелина". Передъ нами не юношескій опытъ, а зрѣлое, самоувѣренно величавое произведеніе.

Съ Лукреціей шутить нельзя было. Это -- первообразъ римской матроны, героиня супружеской вѣрности и цѣломудрія, святая и подвижница. Да именно святая; когда бл. Августинъ, не признававшій другой добродѣтели кромѣ христіанской, назвалъ добродѣтели язычниковъ "скрытыми пороками" -- язычники выставили противъ него Лукрецію, и онъ страстно и безуспѣшно пытался, въ своей Civitas Dei, низвести ее съ того пьедестала, который воздвигло для нея удивленіе всѣхъ вѣковъ римской исторіи. Возрожденіе съ радостью вернуло ей прежній ореолъ; живописцы изображали ее наравнѣ съ ветхозавѣтной Сусанной, а поэты восторгались ею предпочтительно передъ всѣми библейскими и христіанскими героинями. Англія отстала отъ материка, но наверстала свое упущеніе какъ разъ въ эпоху Шекспира: въ 1568 г. появилась баллада, "Скорбная жалоба Лукреціи", въ 1569 "баллада о смерти Лукриссіи" (sic), въ 1576 еще стихотвореніе на ту же тему. Четвертымъ и лучшимъ было наше.

II.

Источниками Шекспира были два римскихъ писателя, Ливій и Овидій. Правда, тотъ критикъ, о которомъ была рѣчь во введеніи къ предыдущей поэмѣ, и здѣсь облегчилъ себѣ литературно-историческій анализъ дешевымъ и удобнымъ предположеніемъ, что въ "Лукреціи" Шекспира "только имена античны" (стр. 43); на самомъ же дѣлѣ достаточно сравнить слова, которыми обезчещенная Лукреція встрѣчаетъ своего мужа у Ливія (кн. I, гл. 58 "другой мужчина оставилъ отпечатокъ на твоемъ ложѣ, Коллатинъ") со строфой 232 у Шекспира, чтобы убѣдиться, что въ нашей поэмѣ античнаго больше, чѣмъ одни имена. Ливій передаетъ легенду о Лукреціи, какъ историческій фактъ съ величавой простотой историка, въ послѣднихъ главахъ своей первой книги исторіи Рима; Овидій его подробно описываетъ въ своемъ поэтическомъ "Мѣсяцесловѣ" по поводу ежегоднаго праздника, справлявшагося 24 февраля подъ именемъ Regifugium (кн. II 685 сл.). Изъ его описанія Шекспиръ заимствовалъ зародыши психологическаго и поэтическаго развитія фабулы. Считаемо поэтому не лишнимъ передать легенду именно въ той формѣ, въ какой она читается у него -- отчасти его словами, отчасти сокращая его рассказъ:

Бѣгство царя разсказать предстоитъ мнѣ. Оно дало имя
Дню, что шестымъ отъ конца въ мѣсяцѣ нашемъ стоитъ.
Названъ Тарквиніемъ былъ послѣдній въ ряду вѣнцоносцевъ
Рима не праведный мужъ, хоть и отважный въ бою.

Разсказывается хитрость, посредствомъ которой его сынъ Секстъ Тарквиній завладѣлъ Габіями, затѣмъ -- оракулъ Феба о престолонаслѣдіи, разгаданный однимъ только Брутомъ, родственникомъ царя, скрывавшимъ глубокой умъ подъ личиной простоты, наконецъ -- осада Ардеи.